

ВЛАДИМИР ЛЕГОЙДА
ЕЛЕНА ЯКОВЛЕВА

В Р Е М Я В З Р О С Л О Й

В Ф Р Ы

КАК СОХРАНИТЬ СВЯЗЬ С ВЕЧНОСТЬЮ

МОСКВА
2022

УДК 271.2
ББК 86.372
Л38

В оформлении обложки использована фотография:
rangizz / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Легойда, Владимир Романович.

Л38 **Время взрослой веры : как сохранить связь с вечностью / Владимир Легойда, Елена Яковлева. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с.**

ISBN 978-5-04-122756-2

Вера — трудный предмет для разговора. И потому что несет в себе опыт отношения с сакральным. И потому что касается внутреннего мира человека, центра его личности. И потому что опирается на вечные истины, определяющие человеческую жизнь и историю.

Честный, умный и смелый разговор о вере, которая пронизывает все и касается всего, даже, казалось бы, далекого от нее, входит в замысел этой книги, которая родилась из цикла разговоров ее авторов на страницах «Российской газеты».

Владимир Легойда — председатель Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ Московского патриархата, главный редактор журнала «Фома», профессор МГИМО, автор книг «Мешают ли джинсы спасению», «Декларация зависимости», «Церковь, возвышающая голос».

Елена Яковлева закончила Ростовский государственный университет. Работала журналистом в «Комсомольской правде», «Известиях», руководит отделом «Общество» в «Российской газете». Ведет религиозную тему.

УДК 271.2
ББК 86.372

© Легойда В., текст, 2022
© Яковлева Е., текст 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-122756-2

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
БЕСЕДА ПЕРВАЯ	15
БЕСЕДА ВТОРАЯ	55
БЕСЕДА ТРЕТЬЯ	97
БЕСЕДА ЧЕТВЕРТАЯ	115
БЕСЕДА ПЯТАЯ	149
БЕСЕДА ШЕСТАЯ	171
БЕСЕДА СЕДЬМАЯ	199
БЕСЕДА ВОСЬМАЯ	225
БЕСЕДА ДЕВЯТАЯ	243
БЕСЕДА ДЕСЯТАЯ	261
БЕСЕДА ОДИННАДЦАТАЯ	277
БЕСЕДА ДВЕНАДЦАТАЯ	295
ПОСЛЕСЛОВИЕ	312

Предисловие Евгения Водолазкина

Во все времена Церковь призвана хранить Предание и доносить его до всякого нового поколения неповрежденным. Вместе с тем — ей следует как-то реагировать на то, что поколения очень разные и вообще мир меняется. Найти здесь *via media*, средний путь, очень непросто. Это как вести машину: чуть сдвинулся вправо — и уже надо срочно повернуть руль в противоположную сторону.

Важно не упрощать истину, которую несешь, но при этом говорить так, чтобы быть понятным. Решение приходится искать в довольно узком коридоре между высотой истины и внятностью изложения. Доступность не должна становиться той простотой, которая хуже воровства, а сложность — непреодолимым барьером. Если говорить языком богословских сочинений, то, пожалуй, мало кто поймет, о чем речь. Но и попытки всё перевести в примитивные конструкции («А и Б — благочестивые ребята, и за

это Бог дает им отличную работу и деньги») выглядят несостоятельными: Бог здесь, наверное, кончается.

Каждый человек, говорящий от имени Церкви, выбирает для этого соответствующий язык. Этот выбор — дело его личного опыта и таланта. Никакие общие рекомендации тут не работают.

Эта книга написана в форме беседы. Собеседники — Владимир Легойда и Елена Яковлева. Они начинали свой разговор на страницах газеты. Принято считать, что газетные темы быстро забываются. Убежден, однако, что и забытые события никуда не исчезают. Когда занимаешься древней историей и видишь некоторую уходящую в глубь веков перспективу, возникает пространство для сравнения. И тогда становится очевидным, что ни одно из обсуждаемых собеседниками событий — споры вокруг фильма, митинги против строительства храма, украинский раскол — не является тем, что происходит впервые.

Расколы? Бывали. Неоднозначное отношение к сакральному? Сколько угодно: вся история полна такими примерами, причем с самой древности. А если учесть, что эти вещи повторяются с удивительной регулярностью, то и реакция на события постоянно актуальна, и попытки осмыслить их. Поэтому диалоги по поводу конкретных тем и событий по большому счету не устаревают.

Владимир Легойда не делает вид, что не понимает каких-то вопросов, ведь это самый простой путь уйти от ответа: распространяться о чем-то своем. Он

Предисловие

говорит всегда по сути. Естественно, его ответы не могут быть в чистом виде свободным плаванием. Прежде всего потому, что он говорит не только от своего имени, но и от имени Церкви. Ему присуще чувство меры и стиля.

Не очень просто говорить вещи, которые произносятся по меньшей мере две тысячи лет. И на каждую реплику ты можешь услышать: «да я это знаю» или «не нужно нам рассказывать это в сотый раз». Можно, что называется, самовыражаться и быть интересным собеседником, но при этом не иметь ничего общего с истиной, которую представляешь.

Владимир Легойда умеет говорить свежо и в соответствии со временем. Демонстрируя определенный консерватизм (а он здесь должен быть, потому что речь идет о Священном Предании), он дает при этом понять, что отлично представляет, о чем его спрашивают, — и в той степени, в какой можно ответить, отвечает.

Когда участники диалога друг с другом согласны и обмениваются комплиментами так, что в этой компании чай можно пить без сахара, читать написанное, как правило, скучно. Статьи или интервью, лишённые внутреннего конфликта, сводятся либо к славословию, либо к повторению банальностей. При чтении этой книги скука читателю не грозит. Елена Яковлева хороша в своем стремлении оппонировать собеседнику. Это одно из тех качеств, которые делают ее прекрасным журналистом.

Главный принцип ведения таких диалогов, выработанный с давних времен, — это драматизация. Истина должна рождаться в определенном противостоянии — не том, которое ведет к разрыву: речь о противостоянии в его конструктивном виде. Такие разговоры выстраивать нужно как пьесу — тогда это будет настоящим искусством. И собеседники этим искусством владеют вполне.

Журналист спрашивает не о вещах, которые должны противопоставить его собеседнику, но о том, что по-настоящему важно. Мне кажется, что у нас в разговорах на церковную тему часто пытаются сглаживать углы и избегать непростых вопросов.

В этой книге меня подкупает искреннее желание не пытаться обойти подводные рифы, когда речь идет о церковных событиях.

Критический взгляд плох, если он имеет своей целью разрушение.

Здесь же видно с первого предложения, что сложные вопросы задаются с мыслью о том, чтобы лучше обустроить наш общий церковный дом.

Эти интервью можно было бы разрезать тематически — и построить разговор внутри тем. Но тогда возникают свои большие потери — теряется хронология. А высказывания — они все-таки делаются и важны в контексте времени. В этих интервью контекст сохраняется — и помогает понять, почему человек так говорил.

Предисловие

Мне кажется очень важным, что такие темы затрагиваются в прессе. Потому что, если они будут обсуждаться только в церковных журналах, есть опасность, что Церковь вообще превратится в подобие гетто. Если она будет лишена общественных средств массовой информации, ей придется совсем трудно.

Речь в книге идет о времени, которое условно можно назвать «временем патриарха Кирилла». Авторы книги считают, что это время «высокого спроса». Патриарх Кирилл — человек горячий и искренний, если угодно — не теплохладный. Таким ведь и должен быть пастырь. Мне нравится, что внешне он не похож на благостного старца, скорее — на петербургского профессора: речь его — не «плетение словес», она ясна, аргументированна и состоит из четких формулировок. Для меня существенно и то, что это человек в высшей степени образованный. Разумеется, не образованность — главная цель духовного делания, но она совершенно точно не препятствует ему. Смею предположить, что, напротив, очень помогает.

Для какой-то части СМИ патриарх стал мишенью, потому что он на виду, а антицерковные настроения у нас, увы, довольно сильны. В погоне за «компрома-том» эти издания всегда на низком (до чего уместное определение!) старте. Такое напряженное ожидание ничего, кроме грусти, не вызывает, поскольку все эти выстрелы — в самих себя. Мы же видим, какая сейчас в обществе разлита агрессия, а оппоненты Церкви

воюют с тем единственным, что эту агрессию могло бы сдержать.

Наше общество сегодня разделено. Воцерковленных людей не так уж и много, хотя верующими считают себя 70 процентов россиян. В этот процент входят те, для кого принадлежность к православию — чистая формальность или вопрос их национально-культурной идентификации. Здесь, конечно, есть опасность, что Церкви предоставят в обществе место этнографического музея, о чем говорил патриарх.

В этих условиях беседовать на церковные темы — задача непростая даже для глубоких и вдумчивых авторов. Здесь многое зависит от читателей — таких же вдумчивых и глубоких. В сущности, главные собеседники — именно они. Их больше, чем может показаться.

Предисловие авторов

ВОПРОСЫ, НА КОТОРЫЕ МЫ ИСКАЛИ ОТВЕТЫ

Что нам приготовил год столетия революции?

Достойно ли было отмечать эту дату фильмом «Матильда»?

Продлится или закончился спор об Исаакии?

Донкихотствует или ошибается Наталья Поклонская?

Нужно ли Церкви судиться с художниками-провокаторами?

Почему мы приучили себя к паркетному восприятию церковной жизни?

Подрывают ли авторитет Церкви сношибательные скандалы?

Как относиться к праведникам и грешникам?

Как воспринимать амбиции и промахи?

Как строить диалог между светским и религиозным крылом общества?

Куда исчезли православные девушки в платках и длинных юбках?

Может ли у миллионера быть золотое сердце?

О чем плачут богатые и чем опасен их разрыв с бедными?

Как воспитать человеческую душу?

Угрожает ли российским вузам деградация студентов?

Чем опасна для образования идеология услуги?

Как заставить читать сложные лонгриды и учить стихи поколение интернета?

Почему уважение к людям важнее идеологии «мы вас заставим»?

Почему легко приписать «Мерседес» тому, у кого его нет?

Почему святому не надо спорить со скоморохом?

Почему вера возвращается в центр мировой общественной жизни?

Почему русским монахам часто неинтересны наука и искусство?

Как уйти от карикатурного восприятия религии?

В чем Галилей был умнее папы римского?

Почему Церковь — не министерство нравственности?

Почему гордиться своей страной — не смертный грех?

Почему студентки разговаривают в соцсетях матом?

Чем интересен «Грех» Андрея Кончаловского?

Чем убедить не читавших Достоевского?

Счастливы ли кроткие и плачущие?

Почему церковное назидание должно сопровождаться помощью человеку?

Почему манифест Константина Богомолова стал текстом-детонатором?

Эти вопросы обсуждали глава Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ, профессор кафедры мировой литературы и культуры МГИМО Владимир Легойда и журналист Елена Яковлева.

Книга представляет цикл разговоров, опубликованных в «Российской газете», и актуализированные комментарии к ним. Автор идеи — главный редактор «Российской газеты» Владислав Фронин.

Беседа первая

Прощай, Матильда!
Здравствуй, честь

Разговор об уроках революции, искусстве спора
и просто искусстве для всех вер и возрастов

Дата публикации: 13.04.2017

Неосвоенный урок 17-го года

— 2017 год — год столетия революции. Такое ощущение, что Церковь сегодня — самый большой ее несимпатизант. Патриарх Кирилл, кажется, яснее всех высказывается о бедственных последствиях революции. Справляется ли наше общество с осмыслением ее уроков? Примиримся ли мы во взглядах на свою историю?

Владимир Легойда: Патриарх Кирилл не раз говорил о главном уроке событий 17-го года и последующего за ним столетия — это нежизнеспособность общества без Бога. Общество, в котором открыто выступают против Бога, заканчивает крахом. Что-то похожее ждет даже общества, никогда открыто не декларировавшие богоборчество, но вытесняющие Бога из своей жизни...

Так что урок получен. Но не уверен, что усвоен. Бог есть любовь, поэтому нашу солидарность Он ставит выше, чем эгоизм. Дефицит любви не позволяет усвоить урок до конца.

Чтобы его усвоить, люди должны хорошо слышать друг друга и то, что говорится. А мне кажется, что, при всем обилии разговоров на эту тему, слышим мы друг друга плохо. Живем в обществе огромного ко-

личества непересекающихся монологов. Полилога, полифонии нет. Их возникновению мешает устойчивый набор идеологических и политических штампов. Все услышанное наше ухо привычно раскладывает по схеме — «свой-чужой»... Удручает тотальный отказ противоположных сторон искать хоть что-то общее, что позволит нам почувствовать друг друга частью одного — одного народа, одной культуры... Когда заканчиваются драчливые теледебаты, не возникает ощущения, что вот сейчас свет погаснет и те, кто сходил на кулачках, сядут и о чем-то договорятся.

А вошедшие в нашу жизнь (помимо газет и ТВ) социальные сети только усиливают стремление, не разобравшись, раздавать негативные нравственные диагнозы всем, с кем мы не согласны. Государству, политическим противникам, социальным и национальным группам, даже соседям. Эти штампы-предубеждения исключают диалог и взаимодействие. Исключают полутона. В таких условиях трудно и осмыслить, и примириться. И оценки прошлого еще продолжают нас разделять.

А почему бы не попробовать сделать так, чтобы разделения прошлого не оставались для нас маркером, тем более — не делались маяком? Мы должны это все и оставить в прошлом. Не примириться со злом, нет. Все надо называть своими именами и не пытаться утверждать, что не было репрессий, невинно посаженных и расстрелянных и что Бутовский поли-

гон — не Бутовский полигон. Это все чудовищно, как и чудовищно то, что об этом мало знают.

Но нам, живущим сегодня, нужно примириться друг с другом — в нашем отношении даже не столько к прошлому, сколько к будущему. И без требования от других всенародных покаяний... С богословской точки зрения покаяние — это личностный акт, нельзя каяться в том, что ты не совершал... А жесткие дискуссии хороши для академической среды.

— **Вы серьезно?**

Владимир Легойда: Да. Потому что академические бои не выливаются на улицы, не раскалывают общество, из-за них не бьют витрины, не убивают и не калечат людей. Там жесткие правила, выше критичность мышления, обязательна доказательная база. Любую восклицательную подачу «новая историческая сенсация!», «нашли секретные документы!» ученые воспринимают даже не как интригующую публицистику, а как профанацию. Вот пусть они и бьются до победного конца.

А наша задача иная: ни в коем случае не передать в наследство сегодняшней молодежи — так не похожему на нас «поколению дизайна» — эту нашу войну по поводу собственной истории. Поэтому в обычных разговорах о революции важно сохранять то, о чем говорил патриарх, — нравственные ориентиры. Зло не называть добром. Не сохранять в исторической памяти имена злодеев как имена героев (поэтому Церковь и выступает за переименование улиц).

Но Церковь всегда, в отличие от любой общественной и политической силы, руководствуется пастырским подходом. А он устремлен к максимальному сохранению мира — душевного, общественного, социального. Это хорошо, кстати, было видно на примере недавно опять разгоревшейся дискуссии о выносе тела Ленина из Мавзолея. Кто-то сгоряча даже заявлял: если ты не готов требовать немедленного захоронения Ленина, ты не православный! Но зачем же фактически догматизировать и сакрализировать эту тему?

Дон Кихот над бюстом императора

— К вопросу о сакрализации. Похоже, сакральное содержание с трудом воспринимается современным, хоть и постатеистическим обществом. Гиканье, которое сопровождало новость от Натальи Поклонской, о том, что в Крыму замироточил бюст государя Николая II, тому пример. Не надо торопиться делать большой новостью таинственное и чудесное?

Владимир Легойда: Никакого особого религиозного содержания в истории с царским бюстом нет. По сути ситуации были оперативно сделаны комментарии — епархией, другими представителями Церкви. Все заискрило, потому что Поклонская — известный человек. Кто-то увидел в этом этакий постмодерн: то она говорит о мироточении, то вдруг